

**К ВОПРОСУ О МОДЕЛИРОВАНИИ СУБЪЕКТНОЙ СТРУКТУРЫ
НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ АВТОРСКИХ ЭНИГМАТИЧЕСКИХ
ТЕКСТОВ XVIII–XX вв.**

Для цитирования: Олейник М. А., Новикова К. А. К вопросу о моделировании субъектной структуры немецкоязычных авторских энигматических текстов XVIII–XX вв. // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2024. Вып. 14. С. 175–187.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2024.109>

Исследование корпуса немецкоязычных авторских энигматических текстов XVIII–XX вв. позволило выявить их текстотипологические особенности, которые состоят прежде всего в способах экспликации субъектного и адресатного планов, обусловленных двусоставной структурой этих текстов. В двусоставности, представленной загадывающей частью (энигматором) и отгадкой, скрыт особый потенциал энигматических текстов в реализации разнообразных функций. Полифункциональность энигматических текстов открывает новые перспективы в их изучении. В центре нашего научного интереса — типы субъекта речи и способы его взаимодействия с загаданным объектом и адресатом. Выявленные нами типы субъекта речи (нарратор-энигмат, эксплицитный нарратор, имплицитный нарратор, смешанный тип субъекта речи) реализуют свой прагматический потенциал в различных типах субъектной структуры энигматических текстов. Именно субъект речи выступает критерием классификации исследуемых текстов по типу их субъектной структуры. При идентификации субъекта речи авторы данной работы опираются на анализ средств адресованности на лексико-грамматическом, интертекстуальном и паратекстуальном уровнях и учитывают такие способы экспликации адресованности, как различные вокативы, высказывания с побудительной модальностью, интертекстемы и паратекстуальные элементы. Новизна исследования состоит в выявлении и описании типов субъекта речи авторского энигматического текста с учетом особенностей их прагматической нагрузки. Типология субъекта речи лежит в основе моделирования субъектной структуры исследуемых текстов. Моделирование как метод исследования и описания языковых явлений позволяет представить результат научного познания в виде формализованной структуры, эксплицирующей ее компоненты и их взаимообусловленность, то есть построить модель, отражающую специфическую для исследуемого типа текста совокупность элементов структуры, которые реализуют его прагматический потенциал. Представленные выводы были получены с помощью сопоставительного, структурно-семантического, интерпретативного и контекстуального методов, а также метода моделирования.

Ключевые слова: энигматический текст, прагматический потенциал, энигмат, энигматор, субъект речи, средства адресованности, субъектная структура текста, моделирование.

TO THE QUESTION OF MODELING THE SUBJECT STRUCTURE OF GERMAN LANGUAGE AUTHOR ENIGMATIC TEXTS OF THE 18TH–20TH CENTURIES

For citation: Oleinik M. A., Novikova K. A. To the question of modeling the subject structure of German language author enigmatic texts of the 18th–20th centuries. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2024, iss. 14, pp. 175–187. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2024.109> (In Russian)

The study of the corpus of German-language author's enigmatic texts of the XVIII–XX centuries has allowed us to reveal their text-typological features, which consist in the ways of expressing the subject and address plans. The binominal structure, represented by the enigmatic part (enigmator) and the answer, conceals the special potential of enigmatic texts in the realisation of various functions. The polyfunctionality of enigmatic texts opens new perspectives in the study of these texts. In the centre of our scientific interest are the types of the subject of speech and the ways of his interaction with the enigmatic object and the addressee. The types of the subject of speech (enigmatic narrator, explicit narrator, implicit narrator, mixed type of the subject of speech) realise their pragmatic potential in different types of the subject structure of enigmatic texts. It is the subject of speech that acts as a criterion for classifying the texts under study according to the type of their subjective structure. When identifying the subject of speech, the authors of this paper rely on analysing the means of addressability at the lexico-grammatical, intertextual and paratextual levels and take into account such ways of expressing addressability as various vocatives, statements with inductive modality, intertexts and paratextual elements. The novelty of the study consists in the identification and description of the types of the subject of speech of the author's enigmatic text, taking into account the peculiarities of their pragmatic load. The presented conclusions were obtained with the help of comparative, structural-semantic, interpretative and contextual methods, as well as the modelling method.

Keywords: enigmatic text, pragmatic potential, enigmat, enigmator, subject of speech, means of addressability, subject structure of the text, modelling.

1. Введение

Среди исследований энigmatических текстов последних лет следует отметить исследование загадок [Файзуллина 2019; Титова 2010; Панасенко 2012; Тунин 2012; Бирр-Цуркан 2014; Голяяд 2014; Ковшова 2019], ребусов, шарад, скандинавских кеннингов, вопросов в ведийских гимнах, таинственных вопросов на состязаниях мудрецов в буддийской традиции [Сендерович 2008: 14], анаграмм, метаграмм, логогрифов [Струкова 2019]. Жанровое разнообразие энigmatики позволило исследователям ввести понятие «энigma-

тический дискурс» [Селиванова 2014]. Внимание исследователей обращено к таким характеристикам энigmatических текстов, как парадоксальность (способ кодирования информации) и криптографичность. Эти особенности лежат в основе выделения и описания конститутивных признаков энigmatических текстов, к которым относятся двусоставность [Топоров 2004], зашифрованность (закодированность) загадывающего компонента [Tomasek 1994], перформативность [Селиванова 2014; Кондрашова 2017], фасцинативность [Кондрашова, Палашевская 2017], игровая сущность [Топоров 2004: 624]. Как свидетельствует анализ эмпирического материала, названные конститутивные признаки лежат в основе полифункциональности исследуемых текстов, уточняют корреляцию между субъектом и адресатом и определяют прагматическую мотивированность того или иного типа субъектной структуры авторских энigmatических текстов.

Материалом для нашего исследования послужили немецкоязычные авторские энigmatические тексты писателей и поэтов второй половины XVIII — первой половины XX в.: К.Кортума, О.Зутермейстера, И.В.фон Гёте, Ф.Гюля, Ф.Рюккerta, И.Г.Тиле, И.П.Хебеля, Ф.Шиллера, Э.Шмида, и др. Ограничение материала исследования авторскими текстами принципиально значимо, поскольку отличия авторского энigmatического текста от фольклорной загадки соотносятся со спецификой репрезентации в них субъектно-адресатного плана. Одно из таких отличий — в объеме текста. Авторский энigmatический текст содержит большее количество языковых единиц, выраженных глаголами, что создает динамичность сюжета, а эмоционально-оценочные компоненты имеют ярко выраженную адресатную направленность. Расширение концептосферы авторского энigmatического текста способствует расширению функционального поля загадки посредством реализации текстами дидактической и познавательно-эвристической функций [Барабанова, Пермьяков 1984; Струкова 2019], что, в свою очередь, требует от адресата определенной подготовки, специальных знаний, понимания связей между определенными контекстами [Сендерович 2008; Ивлева 2010]. Немецкоязычные авторские энigmatические тексты не только содержательно, но и структурно разнообразны и обнаруживают ряд способов экспликации субъекта речи и вербального взаимодействия субъекта речи, энigmatа и адресата.

2. От типологии субъекта речи к моделированию субъектной структуры текста

Исследуемый материал позволил выделить следующие типы субъекта речи: нарратор-энигмат, эксплицитный нарратор, имплицитный нарратор и смешанный тип субъекта речи.

Нарратор-энигмат выполняет в текстах роль загадывающего загадку лица и/или роль описывающего себя как объект повествования [Новикова 2023]. Его персонифицированность актуализируется личными местоимениями (*ich, mich, mir*), притяжательным местоимением *mein*, прямыми обращениями к читателю. Например:

- (1) *An meinen dünnen Beinen sind zwei Augen, dennoch bin ich blind; weit öffnet sich mein breiter Mund und Feuer füllt den schwarzen Schlund* [Kortum 3451]. — «На моих тонких ногах два глаза, но я слеп; мой большой рот широко раскрывается, и огонь наполняет мою черную пасть» (здесь и далее перевод примеров наш. — К. Н.).
- (2) *Ich bin ein Haus, doch weiß kein Mensch mich zu erbauen. <...> Ich bin ein Fass, doch ohne Spund und ohne Bänder; <...> Ein Ofen bin ich dann, der Wärme von sich strömt und Leben; <...> Nun sagt, was Ofen, Fass und Haus wohl sei?* [Elsholtz]. — «Я — дом, но никто не знает, как меня построить. <...> Я — бочка, но без горлышка и без колец; <...> Я — печь, которая изливает тепло и жизнь; <...> Скажи мне теперь, что такое печь, бочка и дом?»

Эксплицитный нарратор выполняет в текстах роль лица, описывающего энигмат, а также роль загадывающего лица и/или роль описывающего себя как объект повествования, находящийся с энигматом в одном фиктивном пространстве [Новикова 2023: 6]. При этом используются такие клишированные формулы, как *ich kenne/weiß* ‘я знаю’, *ich habe gesehen* ‘я видел’, *mein Wort ist/nennt* ‘мое слово это/называет’. Например:

- (3) *Ich habe ein Häuschen gesehen, ein weiches Bettchen war drin; da täten die Winde wehen, die wiegten es her und hin. Wer hat das Häuschen gebauet? Kein Mensch hat das getan <...>* [Triersch]. — «Я видел маленький домик, в нем была мягкая постель; там дули ветра, раскачивая его то в одну, то в другую сторону. Кто построил этот домик? Это сделал не человек <...>».
- (4) *Unfern von mir wohnt ein Prophet, der, wie von ihm die Sage geht, auf Wetterkunde sich versteht, er zeigt sich wie ein Herr vom Stande <...>*

[Langbein]. — «Неподалеку от меня живет пророк, который, как гласит легенда, знает все о метеорологии, он держит себя как статный джентльмен».

В ряде текстов присутствует обращение эксплицитного нарратора к энигмату:

- (5) *Wie wird's dir armer Witwer geh'n? Wenn Mann und Weib sich wiederseh'n, und neu sich knüpfen alle Ehen, wird deine Frau nicht auf-
erstehen* [Hebel]. — «Как ты будешь жить, бедный вдовец? Когда мужчины и женщины встретятся вновь, и все браки будут снова заключаться, твоя жена не воскреснет».

В примере (5) характеризующим заместительным объектом энигмата *Lot* 'Лот' выбрано словосочетание *armer Witwer* 'бедный вдовец'. Нарратор обращается к несчастному человеку, потерявшему супругу, и сообщает ему о невозможности ее воскрешения.

Имплиcitный нарратор как субъект речи реализует свой прагматический потенциал в энигматических текстах, для субъектной структуры которых характерно отсутствие языковых маркеров самопрезентации субъекта речи и его взаимодействия с адресатом. Имплиcitный нарратор не вербализован, но специфика текста свидетельствует об обращенности к имплиcitному адресату при описании различных признаков энигмата, его рода деятельности или взаимосвязи с другими объектами действительности:

- (6) *Ein Vater hat hunderttausend Kinder, sie schaffen im Sommer, er pflegt sie im Winter. Doch will er, dass sie wandern aus von einem Haus ins andre Haus, muss er mit Handschuh'n und im Helme zum Umzug zwingen die kleinen Schelme* [Güll]. — «У отца сто тысяч детей, летом они работают, зимой он заботится о них. Но если он хочет, чтобы они переходили из одного дома в другой, ему приходится заставлять маленьких негодников передвигаться в перчатках и шлеме».
- (7) *Es schnaubet durch das Land ein Drachen, wie größer nie geseh'n die Welt, des Feuers Glut in seinem Rachen strahlt schauerlich durch Wald und Feld...* [Möbius]. — «По земле проносится дракон, такого мир еще не видел, угли в его пасти жутко освещают лес и поле...».

Смешанный тип субъекта речи представлен сложным переплетением типов «нарратор-энигмат / эксплицитный нарратор». В данном случае актуализируются две роли субъекта речи: роль

описывающего себя как объект повествования и роль загадывающего лица [Новикова 2023: 6].

- (8) *Ei, was ist das? Schiebst mich immer wo ich nicht soll sein, tief ins Zimmer springst dann, ob es dich gereute, schnell zur Seite, rückst mich wieder in mein Plätzchen ein* [Thiele]. — «Ах, что это? Постоянно толкаешь меня туда, где я не должен быть, вглубь комнаты. А потом быстро отпрыгиваешь в сторону, как будто бы жалеешь о своем поступке, и возвращаешь меня на место».

Каждый из типов субъекта речи реализует в определенных типах/подтипах субъектных структур специфичный для него прагматический потенциал. В отношении субъектной структуры на этапе ее моделирования мы использовали термин «модель субъектной структуры». Модель субъектной структуры авторских энигматических текстов XVIII–XX вв. может быть одно-, двух- и трехкомпонентной. Однокомпонентная модель включает только субъект речи. Двухкомпонентная модель представлена двумя вариантами. Первый вариант состоит из субъекта речи и энигмата; второй вариант включает компоненты «субъект речи» и «адресат». Трехкомпонентная модель представлена субъектом речи, энигматом и адресатом. Каждая модель включает в себя, кроме компонентов, характеристику ролей субъекта речи и адресата. Следует отметить, что в моделях отражается потенциал энигматических текстов к полифункциональности как их особенности, о которой говорилось выше.

Остановимся подробнее на каждой модели.

Однокомпонентная модель субъектной структуры энигматического текста создается нарратором-энигматом, описывающим себя как объект повествования:

- (9) *Mich umringen wilde Tiere, aber keines bringt mir Schaden; in entlegenste Reviere zieh' ich schweigend, reich beladen* [Sutermeister]. — «Дикие звери окружают меня, но ни один не причиняет мне вреда; в самые отдаленные края иду я бесшумно, с богатой добычей».

Двухкомпонентная модель субъектной структуры энигматического текста создается разными типами субъекта речи. Первый вариант двухкомпонентной модели (субъект речи — энигмат) создается двумя типами субъекта речи: эксплицитным нарратором

и имплицитным нарратором. Эксплицитный нарратор выполняет в этом типе модели роль лица, описывающего энигмат, роль загадывающего лица и/или роль описывающего себя как объект повествования. Имплицитный нарратор, как указывалось выше, описывает объект повествования, избегая каких-либо элементов самопрезентации. Второй вариант двухкомпонентной субъектной структуры авторских энигматических текстов (субъект речи — адресат) создается только одним типом субъекта речи — нарратором-энигматом. Нарратор-энигмат, реализуя роль загадывающего лица и роль описывающего себя как объект повествования, вступает с адресатом, выполняющим роль объекта повествования и/или роль отгадывающего лица, в отношения «взаимной соотнесенности», которую мы обозначаем как «двуплановое взаимодействие» субъекта и адресата [Новикова 2023]. Например:

- (10) *Beliebt bei jedermann vom König bis zum Bauer; <...> Oft böse, oft auch schön, und dennoch würdest du hier ohne mich nicht stehn. <...> Nun rate, was ich sei!* [Kortum 3732]. — «Любим всеми — от короля до крестьянина; <...> часто зол, часто прекрасен, и все же без меня ты не стоял бы здесь. <...> А теперь угадай, что я!».

Энигматом этого текста является *das Leben* ‘жизнь’. Прямое обращение субъекта речи к адресату (*und dennoch würdest du hier ohne mich nicht stehn* — «и все же без меня ты не стоял бы здесь»; *Du hast mich ganz umsonst* — «Я достался тебе даром») способствует вовлечению адресата в создаваемое им описание и эксплицирует их взаимодействие в роли объектов повествования, находящихся в одном фиктивном пространстве. Вербализация двуплановости взаимодействия субъекта речи и адресата осуществляется посредством заключительного предложения, которое содержит призыв к отгадыванию: *Nun rate, was ich sei?* — «А теперь угадай, кто я?».

Трехкомпонентная модель субъектной организации авторского энигматического текста создается двумя разными типами субъекта речи: эксплицитным нарратором и смешанным типом субъектом речи.

В трехкомпонентной модели с эксплицитным нарратором субъект речи выполняет роль лица, описывающего энигмат, и, в большинстве случаев, роль загадывающего лица, адресат при этом может выполнять две роли: роль отгадывающего лица и роль объекта

повествования, причем роль объекта повествования выполняет и третий компонент модели — энигмат. Например:

- (11) *Er wandelt in der Regel auf zwei gesunden Füßen, und macht der Füße täglich von sehr verschiedner Dauer. <...> Die andern, Werk des Meisters, sie gehn, und überleben euch, gute Leser, alle; <...> Da wäre mein Rätsel! Könnt ihr raten?* [Schmidt]. — «Как правило, он ходит на двух здоровых стопах, и каждый день создает стопы очень разной продолжительности. <...> Остальные, произведение мастера, идут и переживут вас, добрые читатели, всех; <...> Вот и моя загадка! Сможете ли вы отгадать?»

Энигмат этого текста, *der Dichter* ‘поэт’, представлен в энигматоре заместительным объектом *er* ‘он’. Субъект речи (эксплицитный нарратор) описывает энигмат в том числе посредством характеристики результатов его деятельности. Актуализация роли адресата как отгадывающего лица происходит благодаря вопросу нарратора *Könnt ihr raten?* («Сможете ли вы отгадать?») с использованием местоимения *ihr* ‘вы’. Роль адресата как объекта повествования выражается в строке *und überleben euch, gute Leser, alle* — «и переживут вас, добрые читатели, всех». Таким образом, субъект речи в роли загадывающего лица не только призывает адресата отгадать загаданный объект, но и помещает его в общее с энигматом фиктивное пространство, вовлекая их во взаимодействие друг с другом.

Смешанный тип субъекта речи создается в энигматическом тексте двумя типами: нарратором-энигматом и эксплицитным нарратором. Нарратор-энигмат выполняет роль описывающего себя как объект повествования, а эксплицитный нарратор играет роль загадывающего лица. Адресат в структурах со смешанным типом субъекта выступает в качестве отгадывающего лица и как объект повествования [Новикова 2023]. Проиллюстрируем эти закономерности следующим примером:

- (12) *Ich bin eine dürre Königin <...> Meine Frauen müssen mich schön frisieren, erzählen mir Märlein ohne Zahl, sie lassen kein einzig Haar an mir, doch siehst du mich nimmer kahl. <...> Sagt, Leute, was mag das sein?* [Mörike 1972: 236]. — «Я — тощая королева <...> Фрейлины должны делать мне красивую прическу, они рассказывают мне бесчисленные сказки, они не оставляют ни одного волоса на моей голове, но ты никогда не увидишь меня без волос. <...> Скажите, друзья, что это может быть?»

Энигматом этого текста является *Spinnrocken* 'прялка'. В анализируемом тексте можно выделить две части: в первой части субъектом речи является энигмат, который метафорически себя представляет, и определяется нами как «нарратор-энигмат»; во второй части субъект речи (эксплицитный нарратор) обращается к своему адресату с вопросом, интерпретируемом нами как призыв к отгадыванию и репрезентирующем роль отгадывающего лица у адресата. Фраза *doch siehst du mich nimmer kahl* («но ты никогда не увидишь меня без волос») вербализует роль адресата как объекта повествования.

Таким образом, исследование субъектной структуры авторских энигматических текстов в нашей работе сопряжено с двумя этапами. На первом этапе исследования были выделены типы субъекта речи, определены его коммуникативно-прагматические роли, определены особенности его корреляции с адресатом и энигматом. На втором этапе осуществлено моделирование субъектной структуры энигматического текста, которое позволило подразделить исследуемые тексты на три группы в зависимости от модели их субъектной структуры.

3. Выводы и перспективы исследования

Анализ эмпирического материала с привлечением метода моделирования позволил не только по-новому представить возможности реализации прагматического потенциала авторских энигматических текстов XVIII–XX вв., но и еще раз убедиться в продуктивности этого метода [Олейник, Горбатовский 2022; Горбатовский, Олейник 2023]. Описанные три разнокомпонентные модели субъектной структуры отражают специфику данной группы текстов в обозначенный период. Компоненты моделей (субъект речи, адресат, энигмат), набор которых определяется диалогической установкой текстов, проявляют свои характеристики в отношениях взаимообусловленности. Показательна следующая взаимосвязь: разные типы субъекта речи реализуют роль загадывающего лица и/или роль описывающего себя как объект повествования в разных моделях, по-разному коррелируя с другими компонентами структуры.

Применение метода моделирования к исследованию и описанию текстов более ранних периодов может, на наш взгляд, создать

предпосылки для новых подходов к исследованию текстов в диахронии и открыть новые возможности для проведения сравнительно-сопоставительных исследований.

Источники иллюстративного материала

Elsholtz F. Rätselgedicht Nr. 2593. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/02/593.htm> (дата обращения: 26.02.2024).

Güll F. Rätselgedicht Nr. 5215. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/05/215.htm> (дата обращения: 26.02.2024).

Hebel J. Rätselgedicht Nr. 1466. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/01/466.htm> (дата обращения: 20.02.2024).

Kortum C. Rätselgedicht Nr. 3732. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/732.htm> (дата обращения: 25.02.2024).

Kortum C. Rätselgedicht Nr. 3451. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/451.htm> (дата обращения: 27.02.2024).

Langbein A. Rätselgedicht Nr. 1749. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/01/749.htm> (дата обращения: 20.02.2024).

Möbius P. Rätselgedicht Nr. 4707. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/04/707.htm> (дата обращения: 26.02.2024).

Mörke E. Ich bin eine dürre Königin // Deutsches Rätselbuch / hrsg. von V. Schupp. Stuttgart: Reclam, 1972. S. 236.

Schmidt K. Rätselgedicht Nr. 3725. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/725.htm> (дата обращения: 26.02.2024).

Sutermeister O. Rätselgedicht Nr. 3774. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/03/774.htm> (дата обращения: 26.02.2024).

Thiele J. G. Rätselgedicht Nr. 8137. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/08/137.htm> (дата обращения: 26.02.2024).

Triersch H. Rätselgedicht Nr. 2009. URL: <https://www.janko.at/Raetselgedichte/02/009.htm> (дата обращения: 27.02.2024).

Литература

Барабанова Н. В., Пермяков Г. Л. О логической структуре некоторых загадок // Паремииологические исследования: сборник статей. М.: Наука, 1984. С. 96–104.

Бирр-Цуркан Л. Ф. Загадка как тип текста в истории немецкого языка (на примере народных и литературных загадок средневерхненемецкого периода) // Немечкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2014. Вып. 4. С. 61–72.

Голияд Н. И. Специфика холо-партитивных отношений в английской загадке // Инновации в науке: сб. ст. по материалам XXXV Междунар. науч.-практ. конф. № 7 (32). Новосибирск: СибАК, 2014. С. 73–78.

Горбатовский А. С., Олейник М. А. Категория вежливости в процессе моделирования культурного пространства художественного текста // Немечкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2023. Вып. 13. С. 198–211. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.110>

Ивлева М. А. Жанр загадки в истории древнеанглийской поэзии. К вопросу о вторичных кодах // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 89–93.

Ковишова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М.: Ленанд, 2019. 400 с.

Кондрашова С. С. Языковая картина мира в английской загадке: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 198 с.

Кондрашова С. С., Палашевская И. В. Английская загадка // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 66–71.

Новикова К. А. Структура энигматического текста: субъектно-адресатный аспект // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 2. С. 98–108.

Олейник М. А., Горбатовский А. С. Моделирование культурного пространства как метод лингвокультурологического исследования художественного текста (на материале романа Д. Кельмана «Тул») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 10. С. 3336–3339. <https://doi.org/10.30853/phil20220564>

Панасенко Т. А. Элементы языковой игры в энигматических текстах в разносистемных языках // Мова. 2012. № 18. С. 211–214.

Селиванова Е. А. Энигматический дискурс: вербализация и когниция. Черкассы: Изд-во Ю. Чабаненко, 2014. 224 с.

Сендерович С. Я. Морфология загадки. М.: Языки славянской культуры, 2008. 208 с.

Струкова Т. В. Энигматические жанры русской поэзии: эволюция и типология: дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2019. 477 с.

Тимова Н. Г. Окаzionale «словотворчество» в русской и английской народной загадке // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 17 (198). С. 122–128.

Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. 816 с.

Тунин А. Е. Новогреческие загадки в сопоставлении с балканославянскими: семантика и структура: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 299 с.

Файзуллина Н. И. Лингвокогнитивная модель народной загадки: образно-структурный аспект (на материале русского, татарского и английского языков): дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2019. 339 с.

Tomasek T. Das deutsche Rätsel im Mittelalter. Tübingen: Niemeyer, 1994. 353 S.

References

- Barabanova N. V., Permiakov G. L. On the logical structure of some riddles. *Paremiologicheskie issledovaniia: Sbornik statei*. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 96–104. (In Russian)
- Birr-Tsurkan L. F. Riddle as a text type in the history of the German language (on the example of folk and literary riddles of the Middle Upper German period). *German Philology in St. Petersburg State University*, 2014, iss. 4, pp. 61–72. (In Russian)
- Faizullina N. I. *The linguocognitive model of the folk riddle: the figurative and structural aspect (based on the material of the Russian, Tatar and English languages)*. Dr. Sci. thesis. Kazan, 2019. 339 p. (In Russian)
- Goliiad N. I. Specificity of holo-partitive relations in an English riddle. *Innovatsii v nauke: sb. st. po materialam XXXV Mezhdunar. -prakt. konf.*, no. 7 (32). Novosibirsk, SibAK Publ., 2014, pp. 73–78. (In Russian)
- Gorbatovskii A. S., Oleinik M. A. The category of politeness in the process of modelling the cultural space of an fiction text. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 198–211. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.110> (In Russian)
- Ivleva M. A. The riddle genre in the history of Old English poetry. To the question of secondary codes. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2010, no. 1, pp. 89–93. (In Russian)
- Kondrashova S. S. *The linguistic picture of the world in the English riddle*. Dr. Sci. thesis. Volgograd, 2017. 198 p. (In Russian)
- Kondrashova S. S., Palashevskaiia I. V. English riddle. *Zhanry rechi*, 2017, no. 1 (15), pp. 66–71. (In Russian)
- Kovshova M. L. *Linguistic and cultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: Anthroponymic code of culture*. Moscow, Lenand Publ., 2019. 400 p. (In Russian)
- Novikova K. A. Structure of the enigmatic text: subject-addressive aspect. *Voprosy sovremennoi linguistiki*, 2023, no. 2, pp. 98–108. (In Russian)
- Oleinik M. A., Gorbatovskii A. S. Modelling of cultural space as a method of linguocultural study of an artistic text (on the material of D. Kelman's novel "Tyll"). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2022, vol. 15, no. 10, pp. 3336–3339. <https://doi.org/10.30853/phil20220564> (In Russian)
- Panasenko T. A. Elements of language play in enigmatic texts in different languages. *Mova*, 2012, no. 18, pp. 211–214. (In Russian)
- Selivanova E. A. *Enigmatic discourse: Verbalization and cognition*. Cherkassy, Iu. Chabanenko Publ., 2014. 224 p. (In Russian)
- Senderovich S. Ia. *Morphology of a riddle*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2008. 208 p. (In Russian)

Strukova T. V. *Enigmatic genres of Russian poetry: Evolution and typology*. Dr. Sci. Thesis. Orel, 2019. 477 p. (In Russian)

Titova N. G. Occasional “word creation” in Russian and English folk riddles. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 17 (198), pp. 122–128. (In Russian)

Tomasek T. *Das deutsche Rätsel im Mittelalter*. Tübingen, Niemeyer, 1994. 353 S.

Toporov V. N. *Research on etymology and semantics*. Vol. 1. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 816 p. (In Russian)

Tunin A. E. *Modern Greek riddles in comparison with the Balkan Slavic ones: semantics and structure*. Dr. Sci. Thesis. Moscow, 2012. 299 p. (In Russian)

Олейник Марина Алексеевна

профессор кафедры немецкой филологии КубГУ, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Marina A. Oleynik

Professor of German Philology Department, Kuban State University, Doctor of Philological Sciences

Address: 149, ul. Stavropolskaya, Krasnodar, 350040, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-7069-033X>

E-mail: marina.oleynik@rgf.kubsu.ru

Новикова Кристина Александровна

старший преподаватель кафедры немецкой филологии КубГУ

Адрес: Российская Федерация, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Kristina A. Novikova

Senior Lecturer of German Philology Department, Kuban State University

Address: 149, ul. Stavropolskaya, Krasnodar, 350040, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2308-2398>

E-mail: kristinanovikova2012@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13 апреля 2024 г.

Принята к публикации 26 апреля 2024 г.